

Ковальска-Стус Х.

DOI: 10.7256/2305-560X.2014.4.13183

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С.Н. БУХАРИНА И Н.М. РАКИТЯНСКОГО «РОССИЯ И ПОЛЬША: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ЛИМИТРОФИЗАЦИИ. ПОСОБИЕ ДЛЯ ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ ЛИМИТРОФНЫХ ГОСУДАРСТВ» (МОСКВА, 2011)

Аннотация: Книга написана двумя российскими специалистами в области политической психологии: профессором Н. Ракитянским и С. Бухариным, она издана в серии Исследования русской цивилизации. Монография состоит из пяти обширных глав, в которых на основании выбранных вопросов истории Польши, авторы исследуют политико-психологические причины периферизации государства. Выбор вопросов был продиктован не только необходимостью интерпретации основного тезиса о факторе, влияющем на психологию польской политики, но и стремлением представить те области истории, в связи с которыми у России и Польши с давних пор существуют расхождения. Методологической базой исследования является системный, структурно-функциональный и сравнительно-исторический подходы; методы анализа, синтеза, наблюдения, обобщения, моделирования. В центре внимания авторов находятся следующие темы: дворянство и сарматизм; Первая Речь Посполитая, разделы, восстания, период Наполеоновских войн; Вторая Речь Посполитая: формирование границ, судьба православия, внешняя политика и дипломатия, колониальные планы; Вторая мировая война: коллаборация с немцами, Варшавское восстание, евреи, Волынская резня; известные поляки в истории России. Книга не охватывает послевоенных и современных вопросов.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, Россия, польша, политическая психология, менталитет, государство, интересы, ценности, безопасность.

С. Бухарин и Н. Ракитянский поставили перед собой цель разработать этнопсихологический образ поляков, поэтому с самого начала сконцентрировали внимание на вопросе о сарматизме, как на явлении очень важном для культуры и истории Польши, основе формирующей польский менталитет.

Как утверждают авторы, на протяжении века, который последовал за победой под Грюнвальдом, начался период формулирования и созревания идеи сарматизма, являющейся основой менталитета поляков, активно воздействующей на политическое и историческое самосознание польского народа. Авторы перечисляют таких апологетов и интерпретаторов этой идеи, как Ян Длугош, Матвей Меховский или Мартин Кромер. Когда в Европе развивались, как они подчеркивают, буржуазно-капиталистические отношения, в Польше укреплялась позиция феодально-крепостнического

порядка на основе особенного политико-правового статуса дворянства в обществе и государстве. Дворянская демократия со своим лозунгом *nihil novi* стала на самом деле властью только одного сословия. Господство дворянства способствовало повышению его политического статуса, что стало стимулом для поиска и консолидации идеологического фундамента такой ситуации. Авторы определяют сарматизм как догматическую доктрину, в которой уже в начальной стадии ее развития сословная исключительность превосходит идею общества. В XVII веке сарматизм являлся основной сословно-корпоративной идеологией дворянства. В связи с тем, что дворянство осуществляло власть в Речи Посполитой, ограничивая возможность принимать решения другим сословиям, у него создалось убеждение относительно самих себя как политической нации – *demos*.

Сарматская идеология создала представление

о демократии как о системе управления исключительно для избранных. Под понятием сарматизма подразумевалась совокупность особенных черт менталитета. Авторы считают, что с самого начала сарматизм как архаичная форма самоидентификации, был своего рода социальным расизмом, являлся основой для польского мессианизма и мании величия. К Речи Посполитой стали относиться, как к идеальному государственному пространству, конфессиональному и национальному. Во время угрозы сарматская доктрина стала препятствием для реальной оценки ситуации. Возможность создания мощной многонациональной империи была утрачена польским дворянством, несмотря на то, что в XVIII и XIX вв. польский сарматизм эволюционировал в сторону просвещения и патриотизма. Этому способствовало, как утверждают авторы, навязывание сарматско-католического и политического господства Польши литовским элитам.

Авторы формулируют интересный тезис, заключающийся в том, что со временем сарматская доктрина начала определять специфику польского католицизма как проявление общеевропейских тенденций к поиску национальных ценностей. Тем не менее, это происходило уже в то время, когда Европа все больше тянулась в сторону секуляризации. Таким образом, сарматская доктрина не смогла полностью развиваться в то время, когда религиозные ценности теряли свое значение, потому что ей пришлось бы расширяться на ряд светских значений, которые оставались бы в сфере священной католической культуры. Авторы упрекают польский католицизм в том, что он приписал сарматской культуре настолько большую роль, что на самом деле этот богатырь-сармат вытеснил культ святых и занял центральное место в религиозной жизни народа, при явном отсутствии определенности в выражении религиозного аспекта в сарматской идеологии.

Как подчеркивается авторами данной работы, именно Церковь в Польше играла чрезвычайно важную роль в процессе сарматской консолидации сословий. Однако на втором месте после влияния Церкви фигурировали мифологические представления, которые нельзя было назвать типичными для христианства. По словам Н. Ракитянского и С. Бухарина, сарматский миф, если не превзошел, то в большой степени захватил религиозную идею и подчинил ее себе. Черты подлинной религиозности, связанные с традицией и католическими обрядами, были включены в образ сармата. Польский сарматско-католический персонализм стал

важным фактором в развитии сословно-корпоративного эгоизма, который стал катализатором процессов распада государства.

Одна из глав обсуждает важную в истории Польши тему статуса Королевства Польского. Авторы подчеркивают, что благодаря Александру I, оно получило самую либеральную Конституцию в Европе, что является доказательством автономии Польши. Выделение важности Конституции, Сейма, автономии финансов, армии, Церкви от царской власти, и т.д., является основой для критической оценки ноябрьского восстания. Поэтому авторы подчеркивают тот факт, что польские власти плохо управляли финансами, выделенными на армию (30 тыс.), во время экономического упадка. Они также выделяют изменение ситуации во время управления министра Друцкого-Любецкого, который способствовал развитию экономики и стабилизации финансов.

Авторы, описывая причины восстания, обращают внимание на то, что фактически Королевство Польское было независимым, а у поляков не было ни малейших предпосылок для антироссийских настроений. Следует отдать должное авторам – они опираются на источники и, очевидно, защищая политику Александра I, обращают внимание на важные аспекты истории Польши, хотя и редко присутствующие в польских учебниках, но правдивые. Это имеет большое значение для объективизации знаний о польско-российских отношениях.

Следующий вопрос, на который стоит здесь обратить внимание это глава, посвященная польской дипломатии 1930-х гг. XX века, во время министра Юзефа Бека. Авторы утверждают, что он действовал в пользу Гитлера и блокировал, постулированные Францией, Англией и Сталиным, антинемецкие союзы, которые могли свергнуть канцлера, когда не был еще так силен и не имел широкой поддержки у своих соотечественников. Свидетельством сотрудничества с немцами был совместный раздел Чехословакии, готовящийся поляками и немцами уже с 1935 года.

Часть IV, озаглавленная *Поверженная Польша*, обсуждает период Второй мировой войны и содержит ряд важных для польской идентичности тем. Среди прочих к ним относятся сентябрьское поражение, Катынский расстрел, Варшавское восстание, Волынская резня. Авторы объясняют, что удаленной причиной конфликтов на почве польско-украинских отношений была Брестская уния. Здесь не хватает более глубокого размышления о роли в этом процессе Сигизмунда III Вазы, кото-

рый стремился к католицизации Москвы. Вторым фактором, отмеченным авторами, была политика Адама Чарторыйского как реформатора сферы образования. Эта реформа должна была привести к росту украинского сепаратизма благодаря раннему внушению враждебности к русским. (Авторы в то время не упоминают о политике австрийских властей, формирующей украинский сепаратизм, что демонстрирует последовательность соблюдения выбранного пути интерпретации). Описанные события, по мнению авторов, исказили менталитет малорусских. В этом контексте авторы показывают поведение украинцев во время Второй мировой войны: поддержку украинского батальона Нахтигаль греко-католической иерархией, и отсутствие реакции духовенства на совершаемые преступления. Авторы утверждают, что семена ненависти были посеяны дворянством, и в 1940-е гг. XX века дали свой ядовитый урожай.

Авторы вспоминают также о резне немецких мирных граждан в Быдгоще и пригородах 3 сентября 1939 года в качестве примера жестокости поляков. В этой главе содержится подтверждение, выдвинутого в начале тезиса об отрицательных чертах психологии польского народа, сформированной сарматской культурой. Эта тема продолжается в следующей главе, посвященной погрому евреев в Едвабне и Кельцах. Авторы утверждают, что концентрируют свое внимание на психологии политики, так что, вспоминая определенные события, они надеются описать польскую ментальность.

Раздел книги, озаглавленный *Еврейская полиция в Польше* (14.5), затрагивает тему коллаборации группы евреев с немцами. Авторы уделяют также большое внимание коллаборации поляков: синей полиции, фольксдойче, полякам, служившим в вермахте, и даже участию польской промышленности в немецком вооружении (с. 724-725). Задаваясь вопросом об источниках польского антисемитизма, они пытаются доказать, что он нес экономический и социальный характер (с. 752). Они видят их также в нежелании еврейского общества ассимилироваться с принимающими его странами. Они утверждают, что в целях поддержания национального разнообразия, кагалу было на руку поддерживать состояние конфликта и ксенофобии. Культурный анализ непринятия другого, неизвестного приводит авторов к тезису, что у него были религиозные основы, что авторы подтверждают, приводя многие примеры. В этой главе содержится богатый материал цитируемых высказываний,

статей и исследований, ставящий под сомнение исторические выводы, находящиеся в учебниках и общеизвестные политические правды о важных для психологии народа событиях.

Целью авторов было показать, каким образом, уже сформированный национальный характер влияет на создание истории, а так же, как историческое прошлое выборочно усваивается в соответствии со стандартами психологии народа. Авторы, несмотря на то, что ссылаются на факты, разрушающие положительный имидж поляков, обращаются к документам и источникам, которые ставят под сомнение принятую версию событий, мартирологию поляков. Они подчеркивают, что их задача не состояла в решении исторических сомнений, а в том, чтобы показать сложный контекст, в котором формировалась психология польского народа.

Польского читателя может возмутить отсутствие положительного имиджа поляков во время войны: рискующих собственной жизнью, помогая евреям, или героизма бойцов Армии Крайовой.

Неоспоримым преимуществом рецензированной публикации является поднятие исследователями сложных вопросов, связанных с польской культурой. Следует также подчеркнуть интересную исследовательскую перспективу, которая использует как методологию политологии, так и психологию. В связи с тем, что представленная книга будет служить представителям **русских** правящих элит в качестве пособия, облегчающего российско-польские отношения, она является интересным примером представления российской перспективы на польскую историю и национальный менталитет, которая должна помочь, согласно намерению авторов, **улучшить** понимание политиками влияния явлений, связанных с прошлым на современность.

Работа С. Бухарина и Н. Ракитянского является ценной также потому, что она показывает российскую точку зрения на черты польского национального характера, которые не позволили полякам построить сильное государство и поставили Польшу среди пограничных стран. Следует подчеркнуть также тот факт, что оценка польских национальных черт связана с другой иерархией ценностей, **чем та**, которая укоренилась в русской культуре.

Несмотря на то, что обсуждаемая книга часто ударяет по нашему историческому достоинству, ее **необходимо** изучать в связи с недооцененным пока ещё методом политической психологии. Стоит отметить что, хотя психология политики описывает те же самые области, **что и** классическая политоло-

гия, или история, такие как: формы государственного правления, войны, этнические отношения, международные отношения, церковно-государственные отношения, геноцид, и т.д., то в обсуждаемой области авторы исследуют другой аспект. Цель состоит в том, чтобы уловить характерную реакцию народа, вынести на поверхность источники и элементы психологии, используемые для построения исторической и политической мифологии, того, что сегодня называется нарративом, или исторической политикой. Ясно также, что политика не может быть нейтральной областью против ценностей и мировоззрения. Интерпретатор придает исследованию элемент собственного мировоззрения.

Несмотря на эти ограничения, психологический аспект исследования политики, в частности, направленной на соседей, имеет большое значение. Так как авторы посвящают эту книгу в качестве пособия для правящих элит в приграничных

странах, то целью является показать, как империя воспринимает страну, находящуюся на орбите ее политики, истории, культуры, религии. Эти области объединяют и заодно делят оба эти организма. Это определенным образом влияет на психологию обоих народов. Как видно из рецензированного исследования, Польша как пограничная зона является для России пространством чрезвычайно важным в связи с особенностью общих черт, таких как славянскость и христианство, а также цивилизационные различия.

Книга проф. Н. Ракитянского и С. Бухарина важна также в связи с тем, что она позволяет обеим сторонам – той, которая ведет исследование и той, которую исследуют, создать реестр расхождений в оценке и самооценке. Она побуждает пересмотреть интерпретацию исторических событий, приглашает написать аналогичное исследование по России с позиции польского мировоззрения и иерархии ценностей.

Библиография:

1. Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М. Россия и Польша: опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации. Пособие для правящих элит лимитрофных государств. М. 2011.

References (transliterated):

1. Bukharin S.N., Rakityanskii N.M. Rossiya i Pol'sha: opyt politiko-psikhologicheskogo issledovaniya fenomena limitrofizatsii. Posobie dlya pravyashchikh elit limitrofnykh gosudarstv. M. 2011.